шение конкуренции. Формирование региональных торгово-экономических блоков непосредственно не обеспечивает устойчивых темпов развития стран-участниц, прогрессивных структурных изменений в их экономике, выравнивания уровней развития, но создает для этого предпосылки в виде расширения рыночного пространства, повышения эффективности использования имеющихся ресурсов через увеличение масштабов производства и расширение потребительского выбора, усиления конкуренции между производителями, обмена лучшими практиками и знаниями.

Как показывает мировой опыт, успешность интеграционной группировки и ее устойчивое развитие зависят от того, насколько она опирается на национальные технологические разработки и каково ее место в мировом инновационном процессе. Региональные технологические и продуктовые нововведения, получающие мировое признание, лежат в основе роста взаимного товарооборота и национальных экономик. Поэтому формирование ЕЭП, а впоследствии ЕАС, должно быть тесно увязано с программами модернизации национальных экономик, созданием необходимых институтов, продвигающих новые продукты и технологии на общий рынок стран-участниц и за его пределы, широкое внедрение аутсорсинга в инновационной и хозяйственной деятельности. Именно это необходимо для построения новой диверсифицированной экономики.

Пока же взаимное сотрудничество играет ограниченную роль в модернизации экономик стран как ЕЭП, так и Содружества в целом. Постсоветские страны для модернизации национальной экономики значительно шире используют заимствованные из третьих стран бизнес-идеи и технологии, что приводит к формированию трансграничных технологических цепочек и опережающему росту торговли с ними.

Ситуация, на наш взгляд, двусмысленная. Модель догоняющего развития допускает в целях создания таможенного союза торговлю продукцией, созданной на основе технологий третьих стран, но в определенных пределах. Необходимо создание не столько условий для сбыта продукции, сколько собственно трансграничных производственно-технологических цепочек, образующих субстрат интеграционного объединения.

Таким образом, каждой из характеристик интеграционного потенциала Единого экономического пространства свойственны двойственность и неоднозначность. Достаточные размеры создаваемого рынка и однородность социально-экономических показателей нивелируются сырьевой ориентацией экспорта и структурными проблемами в экономиках стран-участниц; потенциальные выгоды от возможного расширения проекта ЕЭП сопряжены с рисками усиления диспропорций, поскольку желающие присоединиться страны невелики по размерам внутреннего рынка и представляют собой полупериферийную часть мировой экономики. Разноскоростной и разноуровневый подходы в интеграции объективно обусловлены экономическими и политическими факторами желающих присоединиться стран, но в то же время придают проекту декларативность и необязательность исполнения, а каждая новая интеграционная инициатива на пространстве СНГ (в том числе Таможенный союз и ЕЭП) создает конкуренцию и иные сложности в деятельности уже существующих объединений. Наконец, при декларируемом создании режима «четырех свобод» к дальнейшей разработке проекта ЕЭП в недостаточной степени привлекаются представители бизнес-сообщества.

В этих условиях на передний план должны выходить вопросы конкурентоспособности и модернизации, а также ориентация на двусторонние торгово-экономические отношения, какие Россия и другие государства СНГ успешно развивают со странами Прибалтики, Восточной Европы, Южной и Восточной Азии.

Литература

1. Вопрос в лоб Сергею Глазьеву // Завтра. 2010. № 44. С. 1.
2. *Либман А.М., Зевин Л.З.* Интегрирующееся региональное пространство: дополнительные возможности экономического роста // Евразийская экономическая интеграция. 2009. №2 (3). С. 83.
3. *Вардомский Л.Б.* Новые независимые государства: сравнительные итоги социально-экономического развития М.: Институт экономики РАН, 2012. С. 52.

БОРЬБА С ЭКСТРЕМИЗМОМ В США: СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ

Виктор МАЛЫШЕВ
соискатель ученой степени кандидата наук РАНХиГС

Если в конце прошлого столетия можно было назвать лишь некоторые регионы, например Ближний Восток или Северную Ирландию, в которых угроза экстремизма и терроризма была очевидной, то в XXI веке проблема экстремизма затронула все страны мира.

С проявлением экстремизма и терроризма столкнулась и такая страна, как Соединенные Штаты Америки, однако уже в год происшедшей трагедии был принят антитеррористический и антиэкстремистский закон – «Акт США о патриотизме» (2001 г.). При этом со стороны правозащитных организаций США высказывались сомнения в том, что принятый в такой спешке закон может создать только видимость укрепления национальной безопасности, будучи на самом деле направленным против свобод граждан. В этой связи А.Г. Залужный справедливо отмечает, что, как показали последующие события, «если меры по противодействию экстремизму и терроризму оказываются эффективными, то они находят понимание у граждан, в том числе в среде верующих» [1, с. 309].

В США за последнее десятилетие не произошло ни одного крупного террористического акта. Одной из причин, на наш взгляд, является пристальное внимание к раскрытию и тщательному расследованию преступлений экстремистской направленности. Поэтому анализ политики и законодательства этой страны в сфере противодействия экстремизму будет полезен и для России.

В США, как отмечают М.А. Кочубей и В.С. Овчинский, экстремистами называют террористов и всех лиц, проповедующих насилие на почве ненависти по отношению к различным политическим, расовым, национальным, религиозным группам, а также лицам нетрадиционной сексуальной ориентации. Применив методику расчетов, принятую в России, но не применяющуюся в США, эти авторы проанализировали данные ФБР на 2007 г. и получили результаты, согласно которым удельный вес преступлений против выходцев из Латинской Америки (легальных и нелегальных) в структуре всех преступлений на почве ненависти (это устойчивый термин в правоохранительных органах США) составляет 7,8%; против евреев – 12,7%; против гомосексуалистов и лесбиянок – 16,6%. А удельный вес преступлений, совершенных на почве религиозной вражды, – 18,4% [2, с. 101].

Эти же авторы указывают на важную особенность системы противодействия экс-

тремизму в США, заключающуюся в том, что аналитические центры, обеспечивающие системную переработку информации об экстремистской активности и осуществляющие подготовку прямых рекомендаций в сфере политики противодействия экстремизму, тактических практических решений для высших органов государственной власти США, находятся не в спецслужбах, а вынесены вовне. Практически они всегда имеют статус независимых аналитических центров, общественных организаций, получают серьезное финансирование, привлекают к работе лучших специалистов. Как показывает практика, эффективность их работы весьма высока. Масштабные программы противодействия экстремизму разрабатываются в связи с их возможностью в полном объеме использовать первую поправку к Конституции США, гарантирующую свободу слова, печати, вероисповедания, собраний [2, с. 101-102].

Созвучную, но несколько иную позицию занимают специалисты, работающие в США и связанные с деятельностью полиции. Так, профессор Западного Иллинойского университета В.Л. Сергевнин, в частности, отмечает, что ряд американских исследователей указывают на смену ориентиров полицейских ведомств США в сторону развития новых направлений следственной экспертизы, сотрудничества с федеральными правоохранительными органами и спецслужбами, обеспечения более тесного взаимодействия с военными, усиления уровня надзора за местным населением и др.

Однако, по мнению Сергевнина, «не все местные отделения делают попытки изменения характера своей деятельности с целью укрепления национальной безопасности», а, не игнорируя национальную безопасность как цель, «большинство агентств продолжают вести охрану общественного порядка, используя традиционные методы». Но при этом «укрепился уровень сотрудничества с федеральными органами» в области обмена информацией [3, с. 216].

Этот же автор указывает, что активность местной полиции в укреплении национальной безопасности приводит и к негативным последствиям, выражающимся в деформировании репутации полиции и нанесении ущерба ее легитимности, так как активные наблюдения «для выявления потенциальных террористов… могут подорвать доверие между полицией и населением». Это, полагает Сергевнин, «может свидетельствовать о противоречиях юридического подхода в осуществлении охраны правопорядка со стороны федерального правительства (основанного на конституции, правах граждан, законах) и коммунального подхода, отражающего и обеспечивающего интересы местного населения» [3, с. 217].

В США очень важные функции по профилактике экстремизма выполняют общественные организации. Они имеют банки данных о лидерах и членах экстремистских организаций, совершенных и планируемых действиях; ими применяются современные технологии мониторинга всех групп населения с разными формами экстремизма. Более того, у общественных организаций есть свои осведомители; ими изучаются тенденции и закономерности развития экстремизма, делаются соответствующие прогнозы. При этом первая поправка к Конституции США позволяет общественным организациям открыто выступать с публичными заявлениями о наличии экстремистских материалов в сети Интернет и призывать провайдеров незамедлительно их уничтожать. В целом сложилось мнение, что при таком подходе соблюдается норма Конституции США: государство не вмешивается в дела общественных организаций и тем самым дает им возможность проявлять свою гражданскую активность.

В то же время в США действуют целые структуры, специально предназначенные для борьбы с экстремизмом и терроризмом. По информации Национального института развития современной идеологии (НИРСИ), важная роль в борьбе с терроризмом отведена специальному департаменту в структуре ФБР. Кроме того, антитеррористические отделы есть и в различных государственных ведомствах, таких, например, как Управление по делам миграций и предоставления гражданства (Bureau of Citizenship and Immigration Services). Часть следственных и надзорных функций передана таможенным и транспортным ведомствам.

Новая спецслужба была создана в США в сентябре 2001 г. Это Управление внутренней безопасности (Internal Security Directorate), которое координирует работу 40 ведомств по безопасности. Глава Управления подчиняется непосредственно президенту и является его советником по вопросам борьбы с терроризмом.

Некоторые учреждения, такие, например, как Оперативное управление контрразведывательных сил (Counterintelligence Force Protection Source Operations), занимаются сбором данных – результатов деятельности менее крупных подведомственных органов – для подготовки отчетов. На основе этих данных позднее вырабатывается общий план действий.

Разведывательные службы имеют широкие возможности для сбора и анализа огромного объема информации, поступающей из разных областей. Информация передается непосредственно в Национальный контртеррористический центр (National Counterterrorist Centre), сотрудники которого на основе собранных данных делают вывод о степени угрозы и принимают решения о необходимости разработки конкретных мер. Координацией наступательных действий занимается другая служба – Совет национальной безопасности (National Security Council).

Каждая крупная военная служба контрразведки специализируется на выполнении конкретных функций. Среди таких служб Командование уголовных расследований армии США (U.S. Army criminal investigation Command); Управление специальных расследований ВВС США (U.S. Air Force Office of Special Investigations); Служба специальных расследований ВМФ США (U.S. Naval Force Department of Special Investigations) и др.

К системе государственных органов США, ведущих контртеррористическую деятельность, также относятся Группа по борьбе с терроризмом Сил безопасности морской пехоты США (USMC Fleet Antiterrorism Security Team); Группа по борьбе с терроризмом ВВС США (The Air Force Antiterrorism Security Team); Департамент социального обеспечения США (U.S. Department Of Human Services), который курирует деятельность ряда организаций, занятых ликвидацией последствий терактов и работающих в сотрудничестве с различными государственными и местными организациями. К этой работе в случае необходимости могут быть привлечены психологи [4].

Сравнительный анализ статистики России и США в сфере противодействия криминальному экстремизму свидетельствует о большей эффективности работы по выявлению экстремистских групп, преступлений, совершаемых их членами, и о более жестких мерах уголовно-правового характера в отношении экстремистов, принимаемых в США, несмотря на ощутимые успехи в борьбе с экстремистскими проявлениями.

По докладу Южного Центра юридической помощи неимущим (SPLC) – известной правозащитной организации из Монтгомери – в 2011 г. в США было 1018 «групп, основанных на ненависти», что говорит о небольшом приросте по сравнению с предыдущим исследованием, проведенным в 2010 г., когда было установлено 1002 группы. Отмечается также, что, по данным ФБР, количество преступлений на почве нетерпимости в 2010 г. составило 6624 (на 26 больше, чем в 2009 г.) [5].

В России же на этот период на учете в МВД находилось, как сообщал в одном из своих выступлений Р. Нургалиев, около 150 экстремистских молодежных группировок. А согласно данным ГИАЦ МВД России, в 2010 г. было зарегистрировано 656 преступлений экстремистской направленности (в 2009 г. – 548).

Таким образом, правомерно говорить о том, что в США создана эффективная

система противодействия и профилактики экстремизма, основанная на тесном сотрудничестве государственных органов и гражданского общества, что с учетом относительной экономической стабильности и высокого уровня доходов большинства населения позволяет результативно вести борьбу с проявлениями экстремизма на собственной территории.

В то же время возникает вопрос, почему Соединенные Штаты, несмотря на широкую рекламу своей деятельности по борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, добились на самом деле неизмеримо меньших результатов?

Ни для кого не секрет, что любую международную проблему США рассматривают через призму своих интересов. Поэтому, наверное, имеет право на жизнь широко распространенное мнение о том, что «для поддержания собственного уровня жизни США необходимо, чтобы в остальном мире обстановка была нестабильной» [6].

Однако этот подход не содержит ответ на вопрос, почему Соединенным Штатам не удается одержать победу над международными террористами и экстремистами даже в отдельно взятых местах даже тогда, когда они этого искренне хотят.

Ближе других, на наш взгляд, подошла к ответу на этот вопрос Мадлен Олбрайт. Признавая, что главная цель американской внешней политики – «убедить другие страны делать то, что соответствует интересам Соединенных Штатов», и что «для выполнения этой задачи президент и госсекретарь используют самые различные средства: от грубого военного давления до длительных и упорных переговоров, во время которых каждая из сторон прибегает к логическим доводам и аргументам», Олбрайт справедливо полагает, что «сейчас, когда в мире все больше разгораются религиозные страсти, невозможно правильно построить переговоры, не принимая во внимание религиозные доктрины и определяемую ими мотивацию поведения» [7, с. 25-26].

При этом, обоснованно гордясь 1-й поправкой (1791) к Конституции США, устанавливающей, что Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии или запрещающего свободное исповедание оной, либо ограничивающего свободу слова или печати, в Соединенных Штатах просто не понимают особенностей многих религиозных течений.

Даже принятая в США классификация экстремистских проявлений не учитывает религиозный фактор. По-видимому, это делается намеренно, чтобы избежать критики за попытку таким образом ограничить религиозную свободу. Поэтому американское деление экстремизма на антииммигрантский, расистский, выборный, собственно кризисный, обеспечивающий синергетический эффект экстремизма [2, с. 103-104.], в самих США в совокупности с реально принимаемыми мерами по противодействию экстремизму срабатывает, а в других частях мира – нет.

Какие же выводы из всего изложенного следуют для России?

Во-первых, важно учесть американский опыт и пересмотреть отношение к вопросам государственной политики противодействия экстремистской деятельности в сторону повышения ее эффективности, особенно в том, что касается участия гражданского общества в профилактике экстремизма.

Во-вторых, несмотря на реально существующие двойные стандарты в отношении США к Российской Федерации, проявляющиеся, например, в том, что некоторые неправительственные организации (Кавказско-американская торгово-промышленная палата, Исламская банковская группа, Исламский верховный совет Америки) оказывают помощь террористам: чеченским бандформированиям и ОКДМ (Объединенному командованию дагестанских моджахедов), необходимо, используя сложившийся в России многовековой опыт государственно-конфессиональных и межрелигиозных отношений и строго следуя интересам Российской Федерации, укреплять сотрудничество с США в сфере противодействия международному экстремизму.

Литература

1. *Залужный А.Г.* Право. Религия. Закон. М.: Издательский дом «Научная книга», 2008.
2. *Овчинский В.С., Кочубей М.А.* Экстремистские организации в США// Журнал российского права. 2009. № 6.
3. *Сергевнин В.Л.* Антитеррористические стратегии местной полиции и проблема расового профилирования в США / Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: теория и практика реализации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Владимир, 2012.
4. *Акопян О.А.* Противодействие терроризму. Зарубежный опыт. URL: http://www.nirsi.ru/68
5. Численность экстремистских групп в США достигла рекордного уровня. 10-03-2012. http://oko-planet.su/
6. URL: http://newsland.com/news/detail/id/995372/
7. *Олбрайт М.* Религия и мировая политика. Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс. 2007.

РОЛЬ РОССИИ В РЕФОРМИРОВАНИИ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН

Александр КОРНИЛЕНКО

соискатель ученой степени кандидата наук РАНХиГС

Миротворческая деятельность Организации Объединенных Наций (ООН) эволюционировала от выработки простых принципов – беспристрастности, нейтралитета и согласия конфликтующих сторон – до проведения многокомпонентных операций с участием военного, полицейского и гражданского персонала. Эти трансформации обусловлены изменениями характера вооруженных конфликтов, переместившихся с глобального уровня на региональный. Выявилась неспособность ООН предвидеть возникновение кризисных ситуаций и принимать целенаправленные превентивные меры, проявилось нежелание активно участвовать в разрешении уже вспыхнувших конфликтов и неготовность применять силу там, где это необходимо. Частично претензии мирового сообщества заслуженны. И желание разрешить возникшие противоречия подтолкнуло Организацию Объединенных Наций к реализации масштабного проекта по анализу опыта миротворческой деятельности и проведению реформ, направленных на укрепление ее потенциала в управлении полевыми операциями и их поддержке.

В целом реформирование ООН представляет собой комплекс мер, направленных на укрепление центральной координирующей роли организации, ее адаптации к меняющимся условиям современного мира и повышение эффективности по всем направлениям, включая миротворческую деятельность. Идеи качественного улучшения последней возникали еще в начале 90-х гг. XX в., однако должного понимания они по разным причинам не нашли.

Новый этап в развитии системы международных отношений выявил ряд проблем при осуществлении операций по поддержанию мира посредством сил Организации Объединенных Наций. Это необходимость разверты-